

Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова

Интент-анализ

основания,
процедура,
опыт использования

Институт психологии
Российской академии наук

Методы психологии

Наталья Павлова

**Интент-анализ. Основания,
процедура, опыт использования**

«Когито-Центр»

2017

УДК 159.9
ББК 88

Павлова Н. Д.

Интент-анализ. Основания, процедура, опыт использования /
Н. Д. Павлова — «Когито-Центр», 2017 — (Методы психологии)

ISBN 978-5-9270-0350-1

Книга посвящена обсуждению методических вопросов интент-анализа — психологического метода, позволяющего выявлять стоящие за речью интенции субъекта, связанные с его внутренним миром, желаниями, нуждами. Рассматриваются теоретические основания интент-анализа, выявляется его специфика по сравнению с другими подходами к исследованию речевого содержания, такими как контент-анализ, дискурс-анализ, теория речевых актов и др. Обсуждаются вопросы выбора единиц анализа, описания совокупности интенций, получающих выражение в речи. Предлагается процедура интент-анализа, охватывающая основные этапы его проведения от сбора эмпирического материала до подсчета частот проявления интенциональных категорий и другой статистической обработки. Представлены результаты изучения интенциональных характеристик различных видов дискурса, которые могут послужить проведению других интент-аналитических исследований при решении научных и научно-практических задач в области институционального и повседневного общения, психотерапии, психологической экспертизы и др.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-9270-0350-1

© Павлова Н. Д., 2017

© Когито-Центр, 2017

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Теоретические основания и процедура интент-анализа	9
1. Интент-анализ и другие подходы к исследованию речевого содержания	9
2. Речевые интенции субъекта	13
3. Общие методические вопросы	16
3.1. Единицы анализа дискурса	16
3.2. Многообразие интенций и проблема их типологии	17
3.3. Формирование исследовательского фрейма	19
4. Процедура интент-анализа	21
4.1. Сбор эмпирического материала и его транскрипция	21
4.2. Анализ контекста	22
4.3. Формирование списка интенциональных категорий и выделение их в транскрипте	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Наталья Павлова, Таисия Гребенщикова
Интент-анализ: основания,
процедура, опыт использования

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2017

Предисловие

Человеческая речь, отражающая все многообразие жизни, открывает путь к комплексному исследованию личности и социально-психологических процессов. Неудивительно, что методики, построенные на анализе речевой продукции, становятся все более востребованными (Денисенко, Чеботарева, 2008). Они не только обладают большой диагностической ценностью, дополняют, а иногда и превосходят тестовые шкалы (Малкова, 2002; Алмаев, 2012). Стремительно возрастающая роль коммуникации в современном мире и совершенствование информационных технологий определяют актуальность изучения дискурса, формирующегося в процессе взаимодействия субъектов в разнообразных коммуникативных контекстах (Журавлев и др., 2016; Психология дискурса..., 2016). Миллиарды людей заняты производством дискурсов, влияние которых в условиях Интернета и связанных с ним социальных сетей неуклонно расширяется (Психологическое воздействие: механизмы..., 2012; Психологическое воздействие в межличностной..., 2014; Психологические проблемы современного..., 2012). Поистине, перефразируя известное высказывание, можно заключить: сегодня ты – это то, что ты говоришь.

В этом контексте наблюдается новая волна интереса к интен-анализу – психологическому методу, позволяющему выявлять стоящие за речью интенции коммуникантов и их влияние на организацию дискурса. Обсуждению методических вопросов интен-анализа и обобщению опыта его использования посвящена настоящая работа.

С момента публикации коллективной монографии, в которой был предложен метод интен-анализа (Ушакова и др., 1995), прошло больше двадцати лет. За это время в лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН, где интен-анализ разрабатывается, проведены многочисленные исследования, послужившие развитию метода и апробации вариантов техники, пригодных для изучения речи в различных условиях и социальных взаимодействиях.

Начальные опыты интен-анализа касались текстов конфликтного характера, выступлений политиков в условиях предвыборной борьбы (Ушакова и др., 1995; Слово в действии..., 2000; Павлова, 2000). С использованием методических средств интен-анализа был описан «конфликтный треугольник», характерная интенциональная структура конфликтных дискуссий, и осуществлено сравнение современных материалов и конфликтных обсуждений, относящихся к началу XX века. Были обнаружены основные интенциональные составляющие предвыборных текстов, специфика выступлений конкретных политиков, проявление в речи диалогических интенций и др. Результаты этих работ заложили основы подхода и послужили развитию концепции интенциональной природы речи.

Закономерным продолжением исследований стал цикл работ, обращенных к изучению интенциональных характеристик различных видов дискурса, в первую очередь к дискурсу СМИ, который наиболее доступен для изучения и вместе с тем с усилением медиатизации общества неуклонно привлекает внимание. На примере телевизионных дебатов политиков показана возможность объективации интенционального пространства дискурса – совокупности интенций и интенциональных структур, свойственных определенной сфере коммуникации и составляющих ее психологическую основу. Реконструировано более 50 интенциональных компонентов, обычных для предвыборных выступлений, и охарактеризованы регулярно применяемые политиками при реализации актуальных интенций речевые средства (Павлова, Григорьева, Пескова, 2007; Дискурс в современном мире, 2011). Выявлены также интенциональные особенности разных форм медийного дискурса – предвыборных дебатов, телебесед, ток-шоу, телеинтервью и др., установлена связь между интенциональными характеристиками дискурса и используемыми в нем приемами психологического воздействия (Григорьева, Павлова, 2012; Павлова, Вахитова, 2009; Павлова, 1998, 2002).

Если исследования медиадискурса раскрывают возможности интен-анализа в реконструкции интенций, сопряженных, в первую очередь, с ситуационным и социокультурным контекстом, то анализ повседневного диалога позволяет обнаруживать интенции, соотнесенные в большей степени с личностной сферой субъектов общения, их отношениями (Зачесова, 2002, 2007). В результате изучения повседневного дискурса, который по многообразию форм может соперничать с медийным, описано интенциональное пространство дискурса неформального общения сослуживцев, неконфликтного общения горожан, повседневной студенческой коммуникации (Гребенщикова, Зачесова, 2014а, б; Павлова, Афиногенова, 2014). Особый интерес представляют исследования повседневного семейного дискурса, позволившие не только выявить его интенциональное своеобразие, но и получить новые данные, касающиеся механизмов диалогического взаимодействия, коммуникативных тактик, формирующихся в разговоре межличностных отношений (Гребенщикова, 2012; Гребенщикова, Зачесова, 2012).

Продвижение интен-анализа в изучении диалоговых форм дискурса демонстрируют также исследования детских и учебно-воспитательных диалогов, обнаруживающие изменения ведущих интенциональных направленностей маленьких собеседников в ходе взросления и поднимающие вопросы совершенствования диалогического общения в практике современной школы (Зачесова, Калинина, 2011; Шустова, 2003). Оптимизация общения ученика и учителя ситуационно повышает интеллект последнего и корректирует дисинхронии интеллектуального развития (Воронин, 2004, 2006). Кроме того, в контексте оценки психодиагностических перспектив интен-анализа проведены исследования диалогов в условиях психологического консультирования, в которых предложена интенциональная модель консультационного дискурса и осуществлен анализ конкретных случаев (Кубрак, 2007).

В лаборатории выполнены и другие исследования: понимание интенций специалистами-психологами и наивной аудиторией (Ушакова и др., 1998; Слово в действии..., 2000; Павлова, Пескова, 2012), роль и особенности проявления в различных социальных контекстах такой значимой интенциональной составляющей коммуникации, как самопрезентация (Кубрак, 2005, 2009а, б). В связи с практическими задачами психологической экспертизы ведется разработка показателей для квалификации и оценки материалов, имеющих общественно-политическое звучание (Алексеев, 2011, 2012; Лапшова, Цепцов, 2002).

Важно отметить, что исследования с применением метода интен-анализа проводятся и в других коллективах. Так, в НИУ «Высшая школа экономики» защищена диссертация «Интен-анализ психотерапевтической речи» (Кириллова, 2010), охарактеризована интенциональная структура текстов, представленных на официальных сайтах субъектов российской политики (Коган, 2013). Интен-анализ используется не только для решения задач психологического плана. На его основе получены интересные данные, касающиеся принципов успешной дипломатической коммуникации (Терентий, 2011). Предложены варианты техники, предназначенные для обучения специалистов информационного профиля (Тимина, 2013). Появилась идея разработки автоматизированного варианта интен-анализа в рамках компьютерной лингвистики (Минюрова, Минюров, 2013). Эти и другие работы вносят свой вклад в развитие данного метода, способствуя расширению списка речевых интенций и уточнению набора дескрипторов, используемых при их квалификации.

Часть первая. Теоретические основания и процедура интент-анализа

1. Интент-анализ и другие подходы к исследованию речевого содержания

Интент-анализ предусматривает изучение психологического содержания речевого материала с целью выявления актуальных интенций субъектов общения. Метод опирается на практику других подходов к изучению речи и дискурса, в числе которых контент-анализ, теория речевых актов, дискурс-анализ и др.

По ориентации метода на выделение компонентов контекста, а также некоторым процедурам выявления выраженности категорий интент-анализ сближается с традициями *контент-анализа* – качественно-количественного метода исследования текста, направленного на выявление индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей автора, адресата, а также описание свойств и эффектов самого текста (Денисенко, Чеботарева, 2008). Г. Ласуэлл, считающийся одним из родоначальников контент-анализа, для адекватной оценки содержания речевого сообщения выделил 5 параметров (Lasswell, 1948): 1) кто говорит; 2) что говорит; 3) по какому каналу (коммуникативному); 4) кому говорит; 5) с какой целью. Интент-анализ учитывает эти показатели на всех этапах исследования, уточняя контекстные переменные, значимые для интенционального уровня речи: отклик собеседника на проявленную интенцию, совместный опыт общения адресата и адресанта в случае, когда в анализ включаются несколько эпизодов их взаимодействия, продолжительность общения и др.

Контент-анализ в настоящее время используется в исследовательских практиках самого разного свойства – от психотерапии до маркетинга. Б. Берельсон описал условия, благодаря которым он занял место в ряду общенаучных методов. Во-первых, это объективность: разные аналитики, применяя одни и те же категории анализа к одному и тому же источнику, должны прийти к одинаковым результатам. Во-вторых, систематичность: соответствующие категории применяются ко всему объему исследуемого материала, что исключает частичность или пристрастность анализа. В-третьих, количественное описание (процедуры измерения включают обязательный частотный анализ). Наконец, явность содержания: при оценке текстового содержания допускается минимальная степень интерпретации (Berelson, 1952). В отношении последнего допускается, что о латентных переменных можно судить, обобщив результаты анализа отдельных категорий (Семенов, 1983). Последующие варианты контент-аналитических техник, развивая эти принципы, усложняются на этапе формализации: разработка категориального аппарата, укрупнение единиц анализа, расчет меры связности между различными частями материала, машинный анализ и т. п.

Интент-анализ соблюдает все перечисленные принципы, но в сопоставлении с контент-анализом этот метод, предназначенный для изучения интенциональной части речевого содержания, выступает более специализированным: он восстанавливает динамические, реализующиеся в конкретной ситуации мотивационно-потребностные характеристики субъекта. Следует особо прокомментировать принципы явности содержания и объективности анализа, связанные между собой сущностными характеристиками изучаемого объекта. Первый из этих принципов восходит к информационно-кодовой модели общения, которая была распространена в науке вплоть до последней четверти XX в. и сводила процесс коммуникации к кодированию и декодированию информации. В реальной коммуникации смысл речи почти никогда не соответствует прямому значению сказанного, что вовсе не исчерпывается явлениями эллип-

тичности, метафоричности, речевой или коммуникативной игры. Современные модели предполагают учет ситуации, социального контекста, фоновых знаний собеседников. Смысл, который передается высказываниями, подлежит интерпретации. Соответственно, для однозначной интерпретации высказываний необходимо восстановить весь объем информации, на который опирается говорящий (Кибрик, 1987; Макаров, 2003). Это вряд ли достижимо, поэтому реальная мера объективности исследовательских техник, таких, как контент- и интент-анализ, достигается работой и квалификацией экспертов.

В ряду собственно психологических контент-аналитических подходов особое место занимают персонологические техники, основанные на изучении тематических рассказов (по Д. Макклелланду, Г. Мюррею, Л. Готтшалку и др.). Как отмечает Н. А. Алмаев, контент-анализ, в отличие от реферирования или герменевтического толкования, учитывает распределение и частоту категорий, а также имеет психологически обоснованную систему, по которой эти категории выделяются (Алмаев, 2012). В этом направлении интент-анализ решает дополнительно более конкретную задачу: разрабатывает психологическую типологию интенций для конкретного изучаемого дискурса – политического, семейного, массмедийного, студенческого. Если в системах персонологического контент-анализа осуществляется кодировка речевых проявлений мотивационно-потребностной сферы личности, актуального эмоционального состояния, когнитивных нарушений, то интент-анализ восстанавливает более динамичные интенциональные характеристики, сопряженные как с когнитивно-личностной сферой, так и с условиями общения. По выраженности интенций того или иного типа дается характеристика инструментам воздействия, самопрезентации, оценивается характер взаимодействия в диалоге. Кроме того, интент-анализ является так же, как и контент-анализ частотным методом: по частоте представленности в материале оценивается выраженность изучаемых категорий и стоящих за ними психологических характеристик.

В порядке краткого обзора методов анализа речи в сопоставлении с интент-анализом нельзя не назвать *семантический дифференциал* Ч. Осгуда. Обращаясь к механизмам возникновения смысла, автор находит способ описания вербальных реакций субъектов в пространстве альтернативных признаков. Эти альтернативы обозначают вариабельность значения, образующую концепт для субъекта или некоторой выборки. Смысл рождается в коммуникации: «Если мы хотим узнать, что нечто *значит* для человека, то мы просим его *рассказать* об этом» (Osgood et al., 1957, p. 23). Отдавая должное реконструкционной силе метода, следует отметить, что семантический дифференциал направлен на выявление аффективно-оценочной составляющей смысла (Петренко, 2005), а факторы того, «кто говорит?» и «с какой целью?», оказываются вне поля исследования. Вариант решения этой проблемы осуществлен В. В. Латыновым в технике «ментальных карт» (Латынов, 2000), соединившей черты семантического дифференциала и интент-анализа.

Вопрос производства и понимания речи в середине XX в. выводится на акциональный уровень. В работах философского направления (Дж. Остин, Дж. Серль и др.) было провозглашено, что речь – это особая форма поведения, а отдельные высказывания приобретают коммуникативный смысл, будучи произнесенными в определенных условиях взаимодействия. На этой принципиальной основе началась разработка основных положений теории, которая в дальнейшем получила известность как *теория речевых актов*. Были описаны типы речевых актов, а также условия их успешной реализации: правила искренности, релевантности, мотивированности и др. (Новое в зарубежной..., 1986). Речевой акт, по Серлю, не ограничивается буквальным смыслом сказанного, коммуникативное значение обуславливается конвенцией и иллокуцией (Searle, 1969). Конвенция определяет значение, общее для всех носителей языка, а иллокуция – это то, что говорящий хочет реализовать в разговоре, его намерение в данный момент времени. В высказывании выделяются функциональные уровни: уровень пропозиции – указание на объекты мира и утверждения о них, уровень иллокуции, предполагающий выра-

жение коммуникативного намерения, и уровень перлокуции, т. е. осуществление воздействия. Серль отмечает, что механизм образования коммуникативного смысла речи функционирует в пределах иллокуции. Названо примерное число иллокуций – более тысячи, в том числе: констатировать, замечать, утверждать, командовать, просить, критиковать и т. п. Иллокутивные акты понимаются как конститутивные правила. Они предписывают определенное поведение: так, обещание налагает на говорящего известное обязательство, в противном случае – это не обещание, а другой акт (можно предположить, что «я обещаю завтра дождь» – это предсказание).

Эти исследования дали важный импульс разработке методических подходов *прагмалингвистики*, направленных на выявление коммуникативного смысла речи (Г. П. Грайс, Дж. Лич, А. Вежбицка, Дж. Лакофф, Р. Лакофф, Ч. Стивенсон, С. С. Левинсон и др.). Были сформулированы имплицитные конвенциональные правила, согласно которым реализуются просьбы, приказы, угрозы, обещания, и рассмотрена связь проявляющегося в речи намерения субъекта с представлениями о партнере общения, его интересами и пр. Исследования прагматического феномена имплицатуры и ее вариантов (конвенциональная, неконвенциональная, коммуникативная) обнаружили тонкости небуквального выражения смысла, которые весьма существенны при реконструкции интенционального содержания речи. С опорой на предложенную классификацию иллокутивных актов интент-анализ разрабатывает типологии интенций, характерных для различных контекстов (видов дискурса). Вместе с тем, дополняя проводимые исследования, интент-анализ включает в рассмотрение социально-психологический и социокультурный контекст, увеличивает объем единиц анализа, что позволяет исследовать материалы естественной речевой коммуникации.

Рассмотрение широкого социального контекста при изучении психологического содержания речи поворачивает интент-анализ и другие коммуникативные исследования в сторону *дискурса*. Как отмечается, дискурс в первом приближении – это то, что определенным образом организует способ говорения и действия (М. Фуко, П. Серио, Р. Харре, К. Джерджен, К. Криппендорф). Дискурс различается по типу институализации (профессиональный, политический, религиозный, экономический) или существует вне институций как разговорные практики разного рода (дискурс повседневный, телефонный и др.). Он поддерживается множеством участников и воспроизводится на уровне межличностной коммуникации, публикаций, формальных встреч, обсуждений и пр., хотя и не зависит от любого из этих способов коммуникации напрямую. Подчиняясь определенным закономерностям, дискурс решает задачи участников или может являться фатическим и служить «общению ради общения»; он «проживается» определенным сообществом, управляет его вниманием, стилем говорения, конструирует картину мира. Сообщество же, со своей стороны, включает в свой дискурс все то, что считает важным. Иными словами, дискурс широко понимается как взаимодействие в определенном социокультурном контексте (Журавлев, Павлова, 2007; Павлова, 2003).

Интент-анализ при реконструкции интенций коммуникантов опирается на обширную область междисциплинарных исследований *дискурс-анализа*, которые так или иначе связаны с изучением реальной коммуникативной практики в разных условиях и социальных взаимодействиях. В рамках дискурс-анализа изучены практики, с помощью которых структурируются социальные и индивидуальные представления говорящих (Edwards, Potter, 1992; Potter, Whetherel, 1987; Harre, Gillet, 1994; и др.), оказывается воздействие и реализуется власть (Дейк, 2013; Шейгал, 2004; Чернявская, 2006; Wodak, 2009; и др.), организуется диалогическое взаимодействие собеседников и общение с аудиторией (Китайгородская, Розанова, 2005; Борисова, 2001; Иссерс, 2008 и др.). В работах научного направления, известного как конверсативный анализ, описан важный для исследований интент-анализа универсальный механизм диалогической последовательности, лежащий в основе координации реплик коммуникативных партнеров (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Psathas, 1995; Heritage, 1996; Wooffitt, 2005; и др.).

В процессе взаимодействия собеседники реализуют определенные отношения, которые оказывают влияние на дальнейшее развитие диалога. В плане описания этого «отношенческого» аспекта дискурса представляется продуктивной *динамическая модель власти* Э. Роджерс-Миллар и Ф. Миллара (Rogers-Millar, Millar, 1979). В соответствии с этой моделью диалог развивается в результате осуществления отношений власти и контроля, между которыми проводится важное различие. Если власть определяется наличием некоторых ресурсов, позволяющих изменять поведение другого, то контроль реализуется в рамках самой транзакции – коммуникативный ход одного собеседника как бы вынуждает соответствующий ход другого. Это представление дает возможность характеризовать процессуальную сторону речевого взаимодействия: каждое сообщение может рассматриваться как реакция на предыдущие высказывания и вместе с тем как стимул для последующих. Адаптация подхода предпринята в ряде интен-аналитических работ (Павлова, 1998; Зачесова, Гребенщикова, 2007) при описании конфликтного и кооперативного взаимодействия.

Заключая краткий обзор, целесообразно дать общую характеристику интен-анализа.

В сопоставлении с другими подходами *интен-анализ* выступает как *экспертный, контекстный и комплексный метод изучения речевого содержания*. Обращаясь к первой характеристике, важно подчеркнуть, что методам, восстанавливающим связь между произнесенным словом и психологическими характеристиками говорящего субъекта, свойственна интерпретативность. Для достижения объективности исследования интен-анализ прибегает к экспертной оценке интенций. При их объективации важна квалификация оценивающих субъектов, применяются методы шкалирования, привлекаются сторонние эксперты и др. Вторая черта интен-анализа – его контекстность – означает, что в оценке интенционального содержания речи учитываются условия ситуации, параметры социального и культурного контекста (роли коммуникантов, их статус, межличностные отношения, ответные реакции слушающего и т.д.). Третья характеристика указывает на то, что интен-анализ реализуется в несколько этапов – от разработки категориального аппарата исследования и его проверки до подсчета частот проявления интенциональных категорий и другой статистической обработки. Кроме того, комплексность метода определяется рассмотрением не только вербальной составляющей речи, но и ее невербальных компонентов (интонационные характеристики, паузы, гезитации и др.).

Интен-анализ, обращаясь к изучению интенциональных оснований речи и дискурса, опирается на наработки теории речевых актов, контент- и дискурс-анализа. Привлечение дополнительных техник к его практике (кодировка реплик Миллара-Роджерс, семантический дифференциал) может определяться задачами конкретных исследований и является примером того, что интен-анализ имеет как бы открытый код. Исследователи могут «дописывать» его, применяя дополнительные коэффициенты для решения стоящих задач.

2. Речевые интенции субъекта

Практика применения интен-анализа в психологических исследованиях во многом определяется представлениями о роли интенций в формировании речи и речевом общении. Для того чтобы раскрыть возможности данного метода, необходимо остановиться на основных теоретических положениях, составляющих его основу.

С позиций интен-анализа основополагающим для изучения речезыковых явлений выступает понятие «интенция». Закономерен вопрос, что такое «интенция», какова роль интенций в речи и речевом общении.

«Интенция» – категория с долгой историей, обозначающая в философии и психологии активность сознания, направленность сознания на предмет (Ф. Brentano, Э. Гуссерль). Сложилось также традиция употребления этого термина в более узком значении – направленность на цель (А. Н. Леонтьев), намерение (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональность, или, по Рубинштейну, предметная направленность, составляет неотъемлемое свойство сознания. В силу этого фундаментального свойства сознание – это не пассивное отражение, но отражение пристрастное, которое способно мотивировать деятельность (Рубинштейн, 2003).

Интенциональность играет исключительно важную роль в развитии речи и ее механизмах. В речевом процессе исходным является иницирующий импульс, интенция высказать нечто, проявляющаяся уже в раннем возрасте и имеющая органическую природу (Ушакова, 1998, 2004). Речь выражает лежащее в ее основе семантическое (Т. Н. Ушакова), или интенциональное, состояние (Дж. Серль) – состояние сознания говорящего, имманентной чертой которого выступает соотнесенность с миром, направленность на предмет. В субъективном плане это внутреннее психологическое состояние представляет собой «смыслы». У взрослого человека субъективные смыслы организуются в соответствии с правилами языка и проявляются в производимой речи (Ушакова, 1998, 2004; Слово в действии..., 2000).

Выступая необходимой основой речи, интенции образуют и значительную часть ее психологического содержания. *Интенциональное содержание речи* непосредственно связано с целями деятельности, желаниями, нуждами, предпочтениями субъекта. Интенции обнаруживаются, с одной стороны, в том, о каких предметах человек высказывается, на что направлено его сознание: на себя, на партнера общения, на окружающую действительность. С другой стороны, важно, как именно об этих предметах говорится. Человек, произносящий высказывание, совершает речевой акт: он просит, обещает, советует, требует (Новое в зарубежной..., 1986). При этом наряду с типовыми намерениями (предложение, просьба, приказ) в речи реализуются многие другие интенции – выразить отношение, избежать ответственности, осуществить самопрезентацию и пр. (Слово в действии..., 2000; Павлова, 1998, 2000; Дискурс в современном мире, 2011). Интенциональное содержание речи многогранно и как всякое содержание в принципе неисчерпаемо.

Речевые интенции могут быть не только осознаваемыми, но и неосознанными. Они различаются по своей психологической глубине. Отчетливо выраженные «ближайшие» интенции делают возможным понимание говорящего собеседником и составляют психологическую реальность коммуникации; такие интенции часто осознанно манифестируются субъектом. «Глубинные» интенции, в том числе неосознанные и намеренно вуалируемые, могут быть выявлены нередко лишь в результате специального анализа. Речевые интенции имеют устойчивый или, напротив, преходящий характер. Некоторые из них, чрезвычайно важные в организации разговора возникают непосредственно в ходе интеракции, в соответствии с шагами, предпринятыми партнером общения. Другие интенции формируются в связи с практическими нуждами, профессиональной деятельностью и пр. (Павлова, 2000; Дискурс в современном мире, 2011; Кубрак, 2007; Гребенщикова, Зачесова, 2014а; и др.).

Интенции речи многообразны и могут быть типологизированы по множеству оснований. Неразрывно связанные как с мотивационными и перцептивно-когнитивными процессами субъекта, так и с его включенностью в практическую жизненную деятельность, они во многом определяют речевое содержание и его понимание собеседником.

Важно подчеркнуть, что роль речи не сводится к реализации отдельных интенций субъекта («Я требую...» и т. п.). Интенции, проявляющиеся в речи, обычно скоординированы между собой. Формируется иерархическая *интенциональная структура*, нередко достаточно сложная. Помимо ведущих, или целевых, интенциональных направленностей дискурса выделяются составляющие их конкретные интенции, определяющие функциональную специфику ведущих направленностей (Павлова, 2000; Кубрак, 2009а; Гребенщикова, Зачесова, 2014а; и др.).

При этом обнаруживается особая роль направленности субъекта на адресата, *диалогических интенций*, которые у взрослого говорящего выступают постоянной компонентой интенционального содержания речи (Павлова, 2000). Человек говорит, желая выразить нечто, и, чтобы сказанное было адекватно воспринято, он должен учитывать адресата, в том числе при опосредованной коммуникации адресата отсутствующего, а в некоторых ситуациях и воображаемого, т. е. формировать определенный реципиент-дизайн (Мустайоки, 2015), принимать перспективу собеседника (Converse et al., 2008). Если исключить патологию и специальные моменты речевого онтогенеза, субъект направлен на адресата, по крайней мере, в том отношении, что стремится быть правильно понятым. К тому же, поскольку речь включена в социальную практику, диалогические интенции регулярно приобретают более специализированный характер: говорящий стремится убедить партнера, побудить его к действиям, выразить (вызвать) отношение, предупредить и т. п.

Способы выражения диалогических и других интенций субъекта чрезвычайно разнообразны. Наряду с открытым проявлением, когда интенция прямо обозначается, к примеру, соответствующим глаголом («*обещаю помочь*»), широко используются различные способы косвенного, неявного выражения, в которых важны не столько языковые и невербальные средства, сколько условия коммуникации, психологические предпосылки и пр. (Новое в зарубежной..., 1986). Интенциональная выразительность речи огромна. Однако неявная передача интенций может приводить к расплывчатости содержания, допускающего различную интерпретацию. Эта неопределенность принципиальна в коммуникации. Позволяя вносить уточнения, подготавливать действия, она выступает предпосылкой тактичного ведения разговора.

При этом, поскольку подлежащие выражению интенциональные состояния континуальны, речевые высказывания оказываются соединенными не с какой-либо одной, а с множеством интенций, находящихся в той или иной связи. Некоторые из этих интенции выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер, какие-то интенции отчетливо осознаются субъектом, другие могут не рефлексироваться. Высказывания в дискурсе за немногими исключениями полиинтенциональны, и вопрос о том, реализации каких намерений он в первую очередь служит, нередко далеко не очевиден (Дискурс в современном мире, 2011).

Несмотря на неоднозначность речевой передачи, *интенции субъекта*, как правило, *понимаются адресатом*. Обнаруживается, однако, некоторая размытость их квалификации: смешение близких категорий, неразличение частных интенций и пр. (Ушакова и др., 1998; Слово в действии..., 2000). Косвенно выраженные интенции понимаются хуже, чем манифестируемые явно. Имеет значение и развернутость выражения: чем в большем объеме речевого материала проявляется интенция, тем надежнее она квалифицируется (Павлова, Пескова, 2012). В естественных условиях диалога наиболее значимым фактором понимания интенционального содержания выступает включенность в коммуникацию: адресат соотносит высказывания с ситуацией, партнером общения, задает уточняющие вопросы.

Непонимание речевых интенций может иметь характер добросовестного заблуждения и определяться факторами объективного плана: ситуативными помехами, различиями в запасе имеющихся у коммуникантов знаний, недостаточной выявленностью интенции (Дискурс в современном..., 2011). Вместе с тем возможны случаи так называемого «коммуникативного саботажа», которые связаны с позициями партнеров общения (Горелов, Седов, 2004). Если добросовестное заблуждение влечет за собой корректирующие реплики и уточняющие вопросы, свидетельствующие о стремлении понять собеседника, то в ситуации «субъективного непонимания» обычны различные тактики ухода от ответа, такие как затягивание разговора, предложение новой темы, сведение сказанного в шутку и пр. Это находит отражение в рассогласовании реплик, приводит к сбоям в течении разговора, а в отдельных случаях и к коммуникативным провалам. Обычно, однако, игнорирование интенций партнера выступает в роли коммуникативной тактики, позволяющей повлиять на движение разговора (Гребенщикова, Зачесова, 2014а; Афиногенова, 2015).

Стоит отметить, что если для слушающего форма выражения интенций является объективным фактором, могущим затруднять понимание, то в перспективе говорящего это фактор субъективного плана, позволяющий в своих целях разворачивать обсуждение. Варьируя формы выражения, коммуникант может вуалировать одни интенции и выдвигать на первый план и акцентировать другие. Для более яркой демонстрации интенции используются специальные выразительные средства: экспрессивная лексика, повторы, метафоры и др. (Павлова, Пескова, 2012; Павлова, Зачесова, Гребенщикова, 2016).

Процессы выражения и распознавания интенций выступают как важнейшая составляющая речевого общения, необходимая *основа взаимопонимания, координации действий, достижения целей коммуникантов.*

В условиях непосредственного взаимодействия речевая передача интенций включается в *процесс согласования реплик* коммуникативных партнеров. Говорящий манифестирует в речи актуальные интенции, и их понимание служит основанием или частичным основанием для последующих реплик собеседника. Механизм интенционального согласования реплик не предполагает, конечно, однозначной детерминации последующих реплик предыдущими. Отклик партнера может быть как безотлагательным, так и отсроченным. Он может относиться одновременно к нескольким выраженным интенциям, реакция на которые может быть совмещенной. Паттерны взаимодействия, отражающие позитивный отклик на интенции иницирующей реплики, соседствуют с паттернами, обнаруживающими ответное сопротивление или противодействие партнера (Афиногенова, Павлова, 2015). Реализуемые интенции подготавливаются предшествующими шагами партнеров общения и вплетаются в общую структуру разговора, которая приобретает последовательный линейный либо сложный и разветвленный характер (Гребенщикова, Зачесова 2014а; Павлова, Афиногенова, 2014).

Вместе с тем интенции, проявляющиеся в речи, во многом определяются ситуацией, в которой осуществляется коммуникация. Так, в условиях предвыборной борьбы выступления политиков направлены на то, чтобы воодушевить, консолидировать, предостерегать, стимулировать избирателей к действиям, дискредитировать политического противника. Эти и другие интенции, свойственные предвыборной ситуации, формируют целостное *интенциональное пространство* данного вида *дискурса* (Павлова, Григорьева, Пескова, 2007). Другие виды дискурса – семейный, научный, консультационный – имеют свои интенциональные характеристики и свое интенциональное пространство (Гребенщикова, 2012; Кубрак, 2009а; Дискурс в современном мире, 2011). Интенциональное пространство дискурса составляет его психологическую основу. Оно во многом определяет характер дискурса: используемые средства и способы выражения, приемы воздействия, круг обсуждаемых тем.

3. Общие методические вопросы

3.1. Единицы анализа дискурса

При изучении дискурса используются различные единицы анализа: интеракция (Э. Берн), речевой акт (Дж. Серль), коммуникативный акт (Е. А. Земская), коммуникативное действие (В. И. Карасик), коммуникативный ход (О. С. Иссерс) и др. Общие требования к единице анализа дискурса формулирует Г. Г. Почепцов (2001):

- а) единица анализа должна быть достаточно большой, чтобы выражать значение;
- б) она должна быть достаточно малой, чтобы не выражать много значений;
- в) она должна легко идентифицироваться;
- г) число единиц должно быть настолько велико, чтобы из них можно было делать выборку.

Выбор единиц анализа должен соответствовать свойствам изучаемого дискурса. В этой связи следует различать две группы дискурсов, организация которых задает различный ракурс рассмотрения интенционального содержания и свой список интенциональных категорий. Первая группа – это *недиалоговые дискурсы*, имеющие, как правило, фиксированную текстовую форму, заранее подготовленные, адресат которых непосредственно не участвуют в процессе общения (публичные выступления, публикации в прессе, научные статьи и др.). Вторую группу образуют *диалоговые виды дискурса*, которые возникают обычно в процессе непосредственного общения, существуют по большей части в устной форме и характеризуются большой долей спонтанности (разговорная практика детского, семейного, педагогического, студенческого общения, ТВ-шоу и др.). Разграничение этих групп, конечно, условно: диалогичность имманентно присуща речи, как и сознанию в целом (М. М. Бахтин). Допустимо, однако, сказать, что дискурс может изучаться как диалоговый, и тогда в центре внимания оказывается процесс взаимодействия двух (и более) коммуникантов, смена ролей говорящий – слушающий и пр., или как недIALOGОВЫЙ, когда диалогичность выступает в форме ориентации речи на определенную аудиторию.

Интен-анализ недIALOGОВЫХ форм дискурса опирается на высказывание (в письменном тексте – предложение) как единицу анализа. В некоторых техниках интен-анализа (Слово в действии..., 2000) предполагается рассмотрение отдельных абзацев.

Исследовательские техники, предлагаемые в русле изучения диалоговых форм речи, опираются на выделение парных реплик. Первая реплика пары определенным образом влияет на порождение второй, задавая ее в узком (приветствие – ответное приветствие, запрос новостей – сообщение) или широком диапазоне (обвинение – ответное обвинение/оправдание/вопрос/игнорирование). Это может быть стимул и транзакционная реакция в составе транзакции (Берн, 1992), первый и второй элемент в смежной паре (Goodwin, Heritage, 1990), иллокутивно связанные шаги в коммуникативном обмене (Кибрик, Подлесская, 2003), независимый и зависимый речевые акты в минимальном диалоге (Баранов, Крейдлин, 1992).

Опыт интен-анализа в этой области опирается на *реплику* – законченное смысловое единство, содержащее одну или несколько интенций (Гребенщикова, Зачесова, 2012, 2014а; Павлова, Афиногенова, 2014). Незаконченные высказывания, безусловно, тоже содержат в своей основе определенное интенциональное содержание, которое, однако, не всегда представляется возможным квалифицировать. Реализация замысла может осуществляться в несколько этапов: например, последовательность нескольких коммуникативных ходов одного собесед-

ника может служить единой интенции, выражаемой завуалированно и выделяемой лишь при анализе всего диалога в целом.

Последовательность коммуникативных ходов субъекта, объединенных общей целью, формирует тактику ведения разговора, или *конверсативную тактику*. Тактика реализуется и корректируется говорящим в соответствии с ответным поведением партнера по коммуникации.

Характер взаимодействия субъектов общения может быть оценен по выраженности тех или иных *интенциональных паттернов*. Интенциональный паттерн, выступающий единицей анализа процесса интеракции, имеет следующие признаки:

1. В его составе содержатся коммуникативные ходы, принадлежащие разным собеседникам (минимум двум).

2. Между ходами существует интенциональная согласованность, которая может иметь как поддерживающий, так и отклоняющий характер: «попросить – согласиться/уклониться», «осуществить самопрезентацию – проявить одобрение/неодобрение».

3. Соответствующие интенции могут находиться в соседствующих ходах или быть разделенными несколькими ходами собеседников.

4. Полиинтенциональная реплика может образовывать несколько интенциональных паттернов.

5. Интенции, формирующие интенциональный паттерн, обычно имеют отношение к одному референциальному объекту¹.

Важно отметить, что при анализе диалоговых и недиалоговых форм дискурса обязательно учитывается и контекст всего речевого произведения, и отдельные слова, часть которых может служить маркерами реализуемых интенций. Следует добавить, что дискурс может иметь ту или иную интенциональную насыщенность: за большим объемом сказанного может скрываться всего одна интенция, и, напротив, в кратком изложении может быть представлена реализация множества интенций.

3.2. Многообразие интенций и проблема их типологии

В связи с многообразием интенций, получающих выражение в речи, встает вопрос их номенклатуры и типологии. Выработка метаязыка в описании совокупности речевых интенций связана с теорией речевых актов.

В терминах этой теории понятие речевой интенции соотносится с понятием иллокуции (Новое в зарубежной..., 1986). Произнося высказывание, человек осуществляет речевой акт, который имеет определенную иллокуцию, воплощающую коммуникативное намерение говорящего. В общем плане число речевых актов достаточно ограничено: «Мы сообщаем другим, каково положение вещей; мы пытаемся заставить других совершить нечто; мы берем на себя обязательство совершить нечто; мы выражаем свои чувства и отношения; наконец, мы с помощью высказываний вносим изменения в существующий мир» (Серль 1986, с. 194). Этот подход составил основу типологии, в соответствии с которой существует пять базисных типов речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации. *Репрезентативы*, к которым относятся такие акты, как утверждать, полагать, заключать, имеют цель зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения. *Директивы*: приказывать, командовать, просить, умолять и др., направлены на то, чтобы добиться от слушающего совершения некоего действия. *Комиссивы* – это различного рода обещания и клятвы, цель которых состоит в возложении на говорящего

¹ Подробнее о вариантах интенциональных паттернов см. часть 2, разделы 4.2 и 4.4, где рассматриваются различные случаи реагирования на проявление интенции и так называемое иллокутивное вынуждение.

обязательства совершить действие или следовать определенной линии поведения. *Экспрессивы* – благодарить, поздравлять, сочувствовать, сожалеть – передают аспекты психологического состояния говорящего. *Декларации* самим действием говорения конституируют факт: «Ухожу в отставку», «Назначаю на должность», «Нарекаю вас мужем и женой».

Если по Дж. Серлю существует пять типов речевых актов, то другие исследователи описывают до нескольких десятков типов. Так, в дополнение к обозначенным могут быть выделены *вокативы*, куда относят обращения с целью привлечения внимания и поддержания контакта, и *ретрактивы*, которые обозначают речевые акты взятия назад обещания, корректировки утверждения и т. п. (Wunderlich, 1976). В таксономии К. Баха, помимо других, представлены *констативы* (утверждение, объявление, ответ, согласие, предположение, отрицание, несогласие, разоблачение, оспаривание, информирование, настаивание, предсказание и др.) и *признания* – извинение, соболезнование, поздравление, приветствие, выражение благодарности и др. (Bach, 2003). О. Г. Почепцов указывает на существование *фатических* речевых актов, реализующих контактоустанавливающую функцию, а также *менасивов* – речевых актов угрозы и *квеситивов* – вопросов (Почепцов, 1975).

У авторов многочисленных типологий отсутствует единая точка зрения по поводу отнесения того или иного речевого акта к определенному типу. Не совпадают и исходные основания классификации. Вместе с тем в методическом отношении не столь важна таксономия речевых актов сама по себе, как те дифференциальные признаки, которые различают их между собой и должны учитываться при оценивании интенций. По Серлю, это различия в цели высказываний, в направлении «приспособления» между словами и миром, соответствие интересам говорящего и адресата и пр. В других типологиях наряду с этими признаками принимаются в расчет факторы иного рода: знание/незнание говорящим опыта и структуры референции адресата; степень вовлеченности говорящего и адресата в коммуникацию; соотношение речевого акта с принципами общения и социальными целями, такими, например, как избеганием конфликта (Богданов, 2007). Такого рода факторы, сопряженные с выражением и передачей намерений, важно иметь в виду при проведении интен-анализа.

Теория речевых актов и связанные с ней исследования адекватно описывают основные типы речевых актов, устанавливая связь выражаемого намерения с представлением говорящего о ситуации, партнере общения и пр. Вместе с тем исследования этого направления критикуют за чрезмерную теоретичность, ориентацию на изолированные высказывания и данные мысленного эксперимента. Если от отдельных высказываний переходить к дискурсу, невозможно ограничиться перечнем стандартных актов, выделение которых оказывается во многом формальным и произвольным. В естественном дискурсе более релевантными оказываются нередко иные речевые акты, чем те, которые обычно выделяются и анализируются.

М. Стаббс, обобщая серию работ, посвященных речевым актам, называет такие их важные функции, как экспрессивно-эмотивная, директивно-воздействующая, поэтическая, контактная, металингвистическая, референциальная, контекстуально-ситуативная (Stubbs, 1983). При этом отмечается, что поскольку в дискурсе любое высказывание полифункционально, металингвистический речевой акт, к примеру, может быть одновременно и директивным («*Иди и посмотри, как это правильно в словаре!*»), экспрессивно-эмотивный акт – поэтическим («*Оставь меня, старуха, я в печали!*») и т. п. Подчеркивается особая роль в дискурсе метакommunikативных актов, направленных на контроль за содержанием высказываний, распределение ролей говорящий – слушающий, проверку правильности понимания сказанного.

Расширению списка речевых интенций может способствовать анализ номинаций интенций в толковых словарях, которые фиксируют опыт носителей языка и присущую языку концептуализацию интенционального содержания (Богданов, 2007). Возникает, однако, проблема унификации наименований и сведения близких по характеру интенций в более общие категории. На материале русского языка с использованием типологии Серля и разработанных про-

цедур (критерий перформативности, вопросно-ответный тест и др.) выделяется более сотни репрезентативов и директивов, несколько десятков комиссивов, свыше 280 экспрессивов и пр. (Савельева, 1991).

Важно отметить также наличие эмпирических списков интенций, составленных для некоторых сфер общения и видов дискурса с опорой на коммуникативную компетенцию исследователей и/или респондентов (см., например: Арутюнов, Чеботарев, 1993), в том числе и по результатам интен-анализа (Афиногенова, 2015; Гребенщикова, Зачесова, 2014а). Данные эмпирических исследований обнаруживают реалии дискурсивной практики, которые плохо укладываются в общую классификацию (Павлова, Гребенщикова, 2014). Коммуникативные ситуации многообразны, и для каждой из них можно описать набор присущих ей интенций субъектов общения.

Отдельной проблемой является определение того, как обозначать речевые интенции. В теории речевых актов и лингвистической прагматике для номинации интенций принято употребление существительных («пояснение», «упрек», «совет» и пр.). Этой традиции следуют и при проведении интен-анализа (Слово в действии..., 2000). Вместе с тем, поскольку подобные номинации фиксируют результат речевого акта, что оправданно при ориентации исследований, в первую очередь, на речевые средства, а не совершаемые речевые акты и соответствующие им психологические состояния, в последние годы используются также глагольные номинации («пояснить», «упрекнуть», «сообщить»). Глагольные номинации, акцентирующие процессуальный аспект речи, приняты в интен-аналитических исследованиях диалоговых форм дискурса. Кроме того, поскольку в общем случае к интенциям причисляют различные эмоции, отношения, связанные с референциальными объектами, ментальные состояния, используется большое количество номинаций, имеющих в своем составе глагол «выразить» («выразить мнение», «выразить обеспокоенность», «выразить сочувствие»).

3.3. Формирование исследовательского фрейма

Всякое исследование речи, не только с применением интен-анализа, но и контент-аналитическое, предполагает выделение категорий содержания, которые отвечают поставленным задачам. Если такие категории выделяются произвольно, без учета специфики изучаемого материала, они вряд ли могут быть полезны. Это не означает, что категории анализа всякий раз выделяются заново. Использование категорий, установленных ранее в других исследованиях, тоже возможно. Однако в любом случае кардинальное значение имеет осмысление эмпирического материала в свете исследовательской задачи – формирование исследовательского фрейма как определенным образом организованной структуры аналитических категорий.

Система, сложившаяся в практике интен-анализа, включает в качестве основных три вида категорий: референциальные объекты речи, интенции, проявляющиеся при их обсуждении, ведущие интенциональные направленности коммуникантов. Референциальные объекты – это то, о чем говорится, на что направлено сознание говорящего (категории «мы», «они», «действительность» и пр.). Интенции понимаются в широком смысле как предметные направленности субъекта, отражающие его внутреннее состояние, желания, нужды (категории «просить», «обещать», «выразить мнение» и пр.). Ведущие интенциональные направленности («побудить к действию», «поддержать отношения», «проявить себя» и др.) формируются определенным набором интенций, выявляющих функциональную специфику данной направленности.

При выделении в соответствии с задачами исследования конкретных интен-аналитических категорий стоит учитывать следующие моменты.

Во-первых, необходимо установить меру общности/конкретности категорий, избегая, с одной стороны, поверхностности анализа, с другой – излишней дробности категорий и неоправданного умножения их числа.

Во-вторых, важна полнота охвата избранными категориями всех аспектов интенционального содержания, подлежащих изучению.

В-третьих, критерием выделения категорий интенций служит наличие дифференциальных признаков, разграничивающих эти категории между собой.

В-четвертых, определенную роль при выделении интент-аналитических категорий должен играть критерий согласованности и непротиворечивости категорий в рамках общей структуры.

Наконец, необходимо принимать во внимание способы идентификации категорий интенций в эмпирическом материале, которые должны быть достаточно надежными и не вызывать разногласий.

4. Процедура интен-анализа

Представления об интенциях и их роли в формировании речи и речевом общении определяют необходимость придерживаться при проведении интен-анализа определенной процедуры, которая предусматривает несколько этапов. Поскольку на каждом из этих этапов решаются задачи, во многом определяющие результаты исследования, на них необходимо остановиться особо.

4.1. Сбор эмпирического материала и его транскрипция

Вопросы сбора, записи и транскрипции речевого материала относятся, казалось бы, к чисто «техническим». Между тем они включают в себе немало проблем, в том числе и довольно общего характера.

Опыт реализации интен-анализа охватывает, как уже отмечалось, разные сферы дискурсивной практики – повседневную, учебно-воспитательную, научную и др. Разумеется, *выбор материала* определяется целями исследования. Важно, однако, иметь в виду специфику дискурса, которая может способствовать проведению анализа или, напротив, его затруднять.

Хорошие возможности для интен-анализа создаются при изучении медиадискурса, институциональных видов дискурса, а также его диалоговых форм. Опорой анализа служит знание исследователем условий и целей коммуникации. Кроме того, квалификацию выражаемых интенций облегчают ответные реплики, обнаруживающие понимание говорящего его собеседником. Наиболее сложными для изучения выступают формы повседневного дискурса (например, семейный дискурс), которые тесно спаяны с бытом, изобилуют фатикой, т. е. нередко представляют собой «общение ради общения», разговор ни о чем, причем собеседники, давно знакомые между собой, понимают друг друга с полуслова.

Выбор в качестве исследуемого материала публикаций в прессе, научных изданий, теле- и радиопрограмм снимает многие *проблемы сбора эмпирических данных*. Однако в дискурсивной парадигме принципиальным нередко является выбор материалов непосредственного спонтанного общения в неофициальной обстановке. Для сбора аутентичных данных в этих условиях требуются специальные процедуры аудио- или видеозаписи. Такие процедуры были предложены при изучении разговорной речи (Русская разговорная..., 1978). Метод скрытого магнитофона, который в этих случаях применяется, основан не на скрытном «подглядывании» или «подслушивании». В соответствии с морально-этическими нормами участники эксперимента дают согласие на проведение записи. Однако предусматривается привыкание к ней и такое расположение регистрирующих коммуникацию технических устройств, которое учитывает возможности адаптации собеседников и возникающие помехи. В некоторых ситуациях спонтанного общения участникам исследования предлагается самим определять удобный момент и самостоятельно записывать диалоги.

Интен-анализ любых материалов устно-речевого характера предполагает *представление звучащей речи в письменной форме* – ее транскрипцию. Поскольку спонтанная устная речь имеет структурные, интонационные, паралингвистические и другие характеристики, которые чрезвычайно важны для уяснения смысла сказанного (Морозов, 2011), но скрадываются при «переводе» в стандартный письменный текст, разработаны различные системы транскрипции. Варианты таких систем, связанные с различными исследовательскими традициями, отличаются детальностью передачи звучащей речи, а также удобством и простотой применения.

В русле интен-анализа сложилась практика использования системы транскрипции, принятой в конверсационном анализе (Atkinson, Heritage, 1984). При этом, поскольку перегруженность деталями мешает работе с транскриптом, названная система модифицируется: фик-

сируются только те аспекты дискурса, которые подлежат рассмотрению в соответствии с задачами исследования. В обычном случае в транскрипте отражается вербальная составляющая речи, которая передается буквально (с учетом повторений, самокоррекций и пр.), отмечаются наиболее яркие особенности интонации, выразительные паузы, другие имеющие смысловую нагрузку невербальные компоненты (смех, жесты, поведенческие проявления).

4.2. Анализ контекста

Психосоциальная природа дискурса требует учета многообразных факторов, влияющих на формирование смысла. Поскольку в выражении и распознавании речевых интенций существенную роль играют не только языковые формы, но и условия общения и психологические предпосылки (Новое в зарубежной..., 1986), важным этапом интен-анализа выступает изучение контекста.

Рассматривается *коммуникативный контекст*, так называемые «коммуникативные обстоятельства» (Стернин, 2000) – факторы ситуации, сказывающиеся на протекании общения: ситуационные роли коммуникантов, включенность общения в практическую деятельность, временные и тематические ограничения и пр.

Учитываются отражающиеся в дискурсе *особенности социально-психологического и социокультурного контекста* – отношения коммуникантов, их статусно-ролевые позиции, преобладающие установки, традиции и т. п.

Специального внимания требует динамичный *речевой контекст*, который формируется последовательностью высказываний субъектов общения. Говорящий опирается на прежде сказанное, и каждое продуцируемое высказывание, вплетаясь в структуру дискурса, в свою очередь, модифицирует контекст. При проведении анализа так же, как в коммуникативной практике, учет изменяющегося в ходе общения речевого контекста обеспечивает понимание динамических и стратегических аспектов коммуникации, раскрывает дискурс как единое смысловое целое.

4.3. Формирование списка интенциональных категорий и выделение их в транскрипте

При проведении интен-анализа исследователь стоит перед выбором: использовать ли уже существующий, наперед известный набор интенциональных категорий или выделять такие категории самостоятельно.

Первая возможность обеспечивается наличием эмпирических типологий интенций, разработанных для некоторых видов дискурса (см. часть 2). Хотя на этом пути достигается, казалось бы, большая объективность квалификации интенций, из рассмотрения ускользают специфические особенности конкретного материала.

Второй путь более трудоемок, но он обеспечивает операциональную и экологическую валидность получаемых результатов. В этом случае требуется провести анализ транскриптов на предмет выявления референциальных объектов высказываний и составления списка интенций, выражаемых при их обсуждении.

В зависимости от исследовательских задач критерии выделения референциальных объектов могут быть разными: частота упоминания объектов, степень их обобщенности/дифференцированности и пр. В общем случае к числу основных категорий объектов относятся: сам говорящий, партнер(ы) общения (адресат, аудитория), третьи лица, окружающая действительность.

Установление референциальных объектов высказываний выступает основой второго шага: определения интенций, проявляемых коммуникантом при их описании. При квали-

фикации интенций учитываются языковые и речевые маркеры: наклонение глаголов, порядок слов, ударение, интонация, специальные перформативные глаголы и др. Рассматриваются условия и психологические предпосылки, сопряженные с реализацией интенций определенного типа (Серль, 1986), данные о цели коммуникантов, их статусно-ролевых позициях и пр., вытекающие из анализа контекста. Кроме того, поскольку многие интенции восходят к более общим устремлениям субъекта или актуализируются высказываниями партнера, значимую роль играет анализ речевой последовательности, опирающийся на представления о типовых сочетаниях речевых актов (Franke, 1990; Fritz, 1991). В диалоговых формах дискурса идентификации интенций служат также ответные реакции собеседника, обнаруживающие его понимание сказанного (Зачесова, 2002; Гребенщикова, Зачесова, 2012).

Такого рода анализ становится основой выделения категорий интенций, которые затем уточняются и проверяются.

В плане уточнения первоначального списка интенций важно иметь в виду, что интенциональная направленность субъекта нередко имеет неявный характер. Так, к собеседнику (аудитории) часто напрямую не обращаются и соответствующие диалогические интенции, проявляющиеся в соотнесенности сказанного с конкретным адресатом, необходимо оценивать особо. Кроме того, на основе первоначального рабочего списка требуется провести сплошной анализ дискурса, что позволит идентифицировать интенции, выражающиеся не столько в отдельных фрагментах, сколько в их совокупности. Например, в предвыборном дискурсе обнаружена следующая форма реализации стремления к апологизации своей кандидатуры: пространно характеризуется окружающая действительность, после чего политик заявляет, что готов улучшить сложившееся положение (Павлова, 2000).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.